

Страницы истории рабочего движения Энгельс и кризис конца века

Последний период жизни Энгельса – с конца 1980-х гг. до его смерти в 1895-м – был отмечен большим количеством теоретических работ, в которых он с исключительной точностью установил основные черты империалистического XX века.

На границе двух эпох

Уже в работе “К критике проекта социал-демократической программы 1891 года” Энгельс подчёркивает роль *«акционерных обществ»* и трестов, *«которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности»*¹, фиксируя тем самым развитие капитализма до его высшей фазы, когда он приобретает признаки империализма, который будет полностью проанализирован Лениным почти 30 лет спустя. Кроме того, там, где Эрфуртская программа осуждает “рост нищеты” пролетариев, Энгельс замечает: *«В такой абсолютной форме, как сказано здесь, это неверно. Организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для роста нищеты. Но что определённо возрастает, это необеспеченность существования»*².

Энгельс предвидел, что смена эпох будет иметь катастрофические последствия. В отличие от ситуации 1848 г., когда произошла консолидация буржуазного строя, на рубеже веков развитие новых территорий, таких как США, начало размывать международный порядок и производить потрясения в отношениях между классами – даже в Европе – в контексте глобальной конкуренции, которая с образованием монополий становилась всё более жёсткой.

Отличный прогноз

В знаменитом примечании к III тому “Капитала” Энгельс выдвигает гипотезу удлинения капиталистических циклов, которые, однако, накапливают потенциал для следующих, более катастрофических и разрушительных кризисов.

Черветто отмечает, что, хотя между 1848 и 1870 гг. Маркс и Энгельс основывали стратегию международной пролетарской партии *«на классовых отношениях и экономических отношениях между капиталистическими и докапиталистическими странами Европы»*, их последующий анализ всё больше рассматривал *«эти отношения в мировом масштабе»*. Таким образом, в стратегической мысли Маркса и Энгельса разворачивалась *«диалектика Европа – не Европа»*, где первая оставалась эпицентром, но внеевропейские факторы приобретали всё больший вес.

Анализ *«мирового развития капитализма (в США, Китае, Индии, России)»*, отмечает Черветто, позволил Энгельсу сделать *«грандиозное предсказание “кризиса конца века” (мировой войны и/или революции)»*. Уже в 1887 г. он написал пророческие слова: *«[Для] Пруссии – Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда ещё не объедали тучи саранчи. Опустошение, причинённое Тридцатилетней войной, – сжатое на протяжении трёх-четырёх лет и распространённое на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите»*³.

Социализм в Германии

В сентябре 1891 г. Французская рабочая партия (Parti Ouvrier Français, POF) обратилась к Энгельсу через Лауру Лафарг с просьбой опубликовать в *Almanach du parti ouvrier pour 1892* статью по истории немецкой социал-демократии. Однако он написал работу “Социализм в Германии”, в 1892 г. также опубликованную в *Neue Zeit*, которой предпочёл придать *«практический характер»*⁴ в форме статьи о текущих событиях, поскольку для рассмотрения вопроса о *«развитии социализма в Германии»* требовалась бы *«целая книга»*⁵. Поэтому Энгельс обращается к задачам социал-демократии, рассматривая гипотезу будущей войны, в которой Германия противостояла бы союзу Франции и реакционного царизма. В этом

случае, пишет Энгельс, социал-демократия была бы обязана участвовать в революционной защите Германии.

В 1914 г. национал-шовинисты из СДПГ будут претендовать на то, что нашли в этой статье оправдание голосования за военные кредиты. Но это мистификация: во-первых, Энгельс писал в 1891 г., когда капитализм ещё находился в переходной фазе и нельзя было говорить об империалистическом характере войны, как это было в случае с войной 1914 г., и выкладки Энгельса поэтому можно было рассматривать в качестве последней версии стратегии перманентной революции. Кроме того, невозможно было не понять: речь шла не о защите родины, а о защите позиций, завоёванных социал-демократией в Германии, для целей европейской революции.

Энгельс пишет, что благодаря тридцатилетней борьбе СДПГ *«завоевала себе такое положение, которого не занимает ни одна социалистическая партия в мире, положение, которое обеспечивает ей в течение короткого срока переход политической власти в её руки. Социалистическая Германия занимает в международном рабочем движении самый передовой, самый почётный, самый ответственный пост»*. Победа России означала бы *«подавление немецкого социализма»*. По этой причине в *«интересах европейской революции»* немецкие социалисты были *«обязаны отстаивать все завоёванные позиции и не капитулировать ни перед внешним врагом, ни перед внутренним»*⁶.

Два замечания: прежде всего, Энгельс указывал, что речь идёт о том, чтобы не капитулировать перед *«внутренним»* врагом, утверждая тем самым в войне интернационалистический принцип классовой борьбы с *«врагом в собственном доме»*. Вместо этого СДПГ в 1914 г. пассивно приняла внутренний *«гражданский мир» (Burgfrieden)*. Во-вторых, Энгельс размышлял о мобилизации масс на *революционную защиту* Германии, рассматриваемую им как форма классовой борьбы. СДПГ же в 1914 г. пристроилась в хвосте прусского генерального штаба.

Один солдат из пяти

Энгельс подчёркивал растущую силу социал-демократии, что отражалось и в электоральном прогрессе: её поддержка выросла со 101.927 голосов в 1871 г. (суммируя эйзенахцев и лассальянцев) до 1.427.298 в 1890 г. Однако он не считал, что подсчёт голосов или мест в парламенте является главным фактором в условиях капиталистического кризиса и мирового конфликта. Вместо этого Энгельс акцентировал внимание на революционном потенциале классовой партии: *«[Главная] сила германского социализма заключается [...] не в количестве избирателей. Избирателем у нас становятся только в 25 лет, а солдатом – уже в 20. А так как наибольшее пополнение даёт партии именно молодое поколение, то отсюда следует, что германская армия всё более и более заражается социализмом. Сейчас на нашей стороне каждый пятый солдат, через несколько лет будет каждый третий, а к 1900 г. армия, которая прежде в Германии была особенно пропитана прусским духом, станет в большинстве своём социалистической. [...] Берлинское правительство понимает это не хуже нас, но оно бессильно. Армия ускользает из его рук»*⁷. Эти размышления связаны с разработками, начатыми Энгельсом в сочинении 1865 г. *«Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия»*, где указывалось на необходимость сочетания легального использования парламентской платформы и проникновения в армию в революционных целях.

“Стреляйте первые, господа буржуа!”

Во *«Введении»* к изданию 1895 г. *«Классовой борьбы во Франции (1848–1850)»* Маркса Энгельс подчёркивает *«полный переворот во всём военном деле»*, вызванный набором *«всего годного к военной службе населения в армии»*, которое будет использовано в *«неслыханной по своей жестокости мировой войн[е], исход которой совершенно не поддается учёту»*⁸. Перед лицом огромных армий, возникших благодаря крупной капиталистической промышленности, баррикадное восстание типа того, что было в 1848 г., теперь стало немислимо: *«Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. [...] необходима длительная настойчивая работа, и именно эту работу мы и ведём теперь»*⁹.

Истинная сила социал-демократии состояла в том, что она была укоренена среди рабочих, составляющих большинство массовых армий. В связи с этим легальность, восстановленная после окончания периода Исключительного закона против социалистов, пишет Энгельс в “Социализме в Германии”, *«так превосходно работает в нашу пользу, что мы были бы глупцами, если бы нарушили её, пока дело идёт таким образом»*. *«А пока: “стреляйте первые, господа буржуа!”*. Без сомнения, они будут стрелять первыми. В один прекрасный день немецким буржуа и их правительству надоеет пассивно наблюдать всё возрастающий подъём социализма; они прибегут к беззаконию, к насильственным действиям. Что это даст? При помощи насилия можно задушить маленькую секту, действующую на ограниченной территории; но нет ещё такой силы, которая была бы в состоянии уничтожить партию в два миллиона человек, рассредоточенных на всём пространстве огромной империи»¹⁰. По этой причине *«господствующие классы»*, пишет он во “Введении” к “Классовой борьбе во Франции”, *«хотят заманить нас непременно туда, где стреляет ружьё и рубит сабля»*, и обвиняют социал-демократию *«в трусости за то, что мы не желаем немедленно без оглядки выходить на улицу, где, как мы наперёд знаем, нас ожидает поражение?»*¹¹. Это происходит потому, что буржуазия и правительство *«стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах, – чем успехов восстания»*¹².

Против войны – революция

Разрабатывая стратегию для эпохи империализма, Энгельс не прекращал вести борьбу с оппортунизмом. Свидетельством этого является тот факт, что “Введение” в версии, опубликованной Вильгельмом Либкнехтом в *Vorwärts!*, подверглось значительным сокращениям по указанию руководства СДПГ, которые скрывали фундаментальную связь между легальным использованием парламентской трибуны и целью революционеров. Публикация искажала смысл написанного. Именно поэтому в письме Карлу Каутскому от 1 апреля 1895 г. Энгельс писал, что считает недопустимым, чтобы его выдавали за *«миролюбивого поклонника законности во что бы то ни стало»*¹³.

Энгельс, развивая это направление анализа, в марте 1893 г., опубликовал в берлинском *Vorwärts!* серию статей, позже собранных в брошюру “Может ли Европа разоружиться?”, где прокомментировал дебаты в рейхстаге по поводу закона об армии: *«Вот уже двадцать пять лет, как вся Европа вооружается в неслыханных до сих пор размерах, [в то время как] во всех странах широкие слои населения, на которых почти исключительно лежит обязанность поставлять массу солдат и платить основную часть налогов, призывают к разоружению»*¹⁴. Это массовое перевооружение и система постоянных армий *«доведена до такой крайности, что либо народы будут ею экономически разорены, не выдержав бремени военных расходов, либо она неизбежно приведёт к всеобщей истребительной войне, если только постоянные армии не будут своевременно преобразованы в милицию, основанную на всеобщем вооружении народа»*¹⁵.

Для Энгельса единственный выход из капиталистического кризиса и бойни – это превращение войны в революцию.

Май 2023 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 234.

² - Там же. С. 233.

³ - Там же. Т. 21. С. 361.

⁴ - Там же. Т. 38. С. 152.

⁵ - Там же. С. 145.

⁶ - Там же. Т. 22. С. 258.

⁷ - Там же. С. 253.

⁸ - Там же. С. 537, 538.

⁹ - Там же. С. 544.

¹⁰ - Там же. С. 254.

¹¹ - Там же. С. 543, 544.

¹² - Там же. С. 540.

¹³ - Там же. Т. 39. С. 373.

¹⁴ - Там же. Т. 22. С. 387.

¹⁵ - Там же. С. 385.